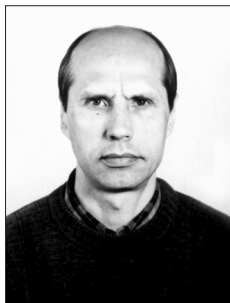

ПИСЬМА С ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

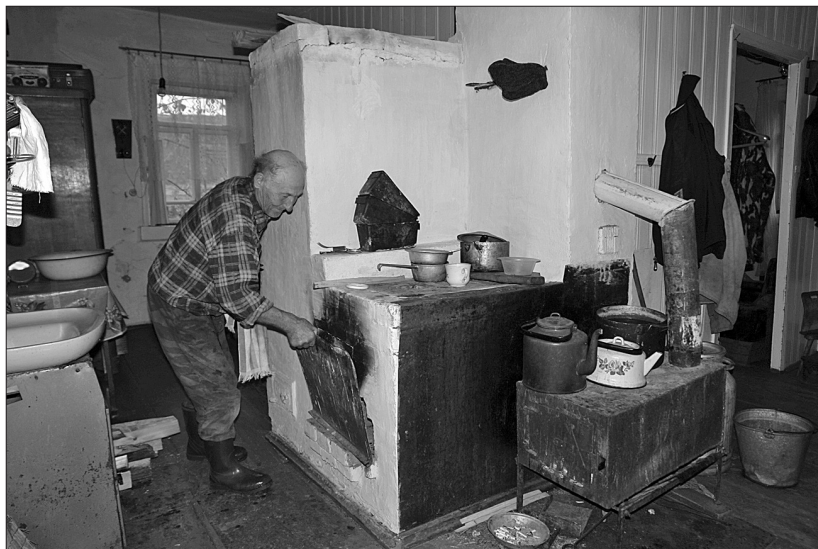

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

В 2007 году музеем «Тальцы» проводилась экспедиция по обследованию ленских деревень в Усть-Кутском и Киренском районах Иркутской области. Во время нашего пребывания в Глуховой Леонидом Ивановичем Марковым — последним жителем опустевшей деревни, были подарены в фонды музея письма Василия Селиверстовича Тирского. В.С. Тирский был родным братом его недавно скончавшейся жены Анны Селиверстовны. До самой смерти она бережно хранила письма и открытки брата, пропавшего без вести в Великую Отечественную войну. Некоторые из них мы и приводим на страницах этого журнала.

Публикуемые письма Василия Тирского были написаны в начале 1940-х годов и адресованы его родителям, братьям и сестре Анне. Отец Василия, Селиверст Васильевич Тирский (1893–1964), был крестьянином деревни Тирской Киренского района, располагавшейся в месте впадения реки Тиры в Лену. Мать — Анна Ивановна (1893–1980), уроженка деревни Глуховой Усть-Кутского района, находившейся в 12 километрах от Тирской вверх по течению Лены. В 20-летнем возрасте она вышла замуж за своего ровесника Селиверста Васильевича. В Тирской и родились все их дети: Дмитрий (1915 года рождения), Иван (1919 г. р.), Анатолий (1921 г. р.), Василий (1923 г. р.), Владимир (1927 г. р.), Анна (1931 г. р.) и Юрий (родился около 1933 г., умер в младенчестве). В 1940 году семья Тирских, продав дом в родной деревне, переехала в деревню Глухову.

Первые письма писались Василием Тирским из Киренска, куда он поехал учиться в педагогическом училище (там же в 1935–1938 гг. учился и его старший брат Иван). В середине июня 1941 года, сразу после окончания педучилища, Василий был взят в армию

**Леонид Иванович Марков — последний житель деревни Глуховой.
Фото Ю. Лыхина, 2007 г.**

и отправлен в Ульяновское военное дважды Краснознаменное бронетанковое училище. По дороге туда стало известно о начале Отечественной войны. После интенсивного семимесячного обучения в Ульяновске В.С. Тирский получил звание лейтенанта танковых войск. В начале января 1942 года он был направлен в Челябинск, где около трех месяцев проработал на Челябинском тракторном заводе на сборке танков, а оттуда — прямая дорога на фронт. С фронта от него стали приходить редкие короткие письма или открытки.

Последним известием от Василия Тирского стало письмо в киренскую газету «Ленская правда», опубликованное 29 октября 1943 года под заголовком «Меня воспитал комсомол». Вот его содержание:

«Дорогие друзья по учебе, работе и комсомольской жизни! Примите от меня, бойца Красной Армии, в день славной XXV годовщины Ленинско-Сталинского комсомола боевой комсомольский привет!

Больше года нахожусь я на фронте отечественной войны. Сражался на Брянском направлении, был ранен, а сейчас — на юге. Ломая ожесточенные атаки врага, уничтожая его живую силу и технику, мы идем вперед, на запад. Сквозь шквал огня вожу я

свой танк на врага, выполняя клятву мести, которую давал вам, когда вы отправляли меня в ряды Красной Армии.

Меня воспитал комсомол, Красная Армия закалила в борьбе с врагом. За проявленные в боях мужество и отвагу я удостоен высшей правительственной награды.

Прошу вас, товарищи комсомольцы далекого Киренска, пишите мне про свои трудовые дела, рассказывайте, чем помогаете фронту, как встретили и отпраздновали славный юбилей комсомола. Ваши письма будут большой радостью для меня.

Мой адрес: полевая почта 2472.

Бывший учащийся Киренского педучилища Василий Тирский.

Лейтенант танковых войск, кавалер ордена Красного Знамени».

После этого связь с Василием Тирским прервалась. Тревога в семье усилилась, когда стало известно, что новая награда — орден Отечественной войны I степени — В.С. Тирскому не вручена. Начались поиски, делались запросы в Москву, Ленинград, Ульяновск. Отовсюду был один и тот же ответ: «сведений не имеется».

Мать, Анна Ивановна, до конца своих дней верила, что вот откроется дверь и появится ее сын Василий, такой же веселый, здоровый и невредимый, каким он отправился в 41-м на учебу в танковое училище...

ПИСЬМА В.С. ТИРСКОГО

«14/VI [1941 г. Киренск]

Добрый день!

Здравствуйте, дорогие мои родители. Шлю вам свой уч[ениче]-ский привет и желаю вам наилучшей к старости жизни.

Отправляю пока необходимое. В чемодане отправ[ил] 1 500 руб., за Евгением Степановичем 1 350 руб., за 150 рубл. купил у них брюки шевиотовые. Ничего не подделаешь, что-то придется все равно носить. Остальные деньги взял в дорогу. Может, придется ехать. Если не поеду — останутся в сохранности.

16 июня будет комиссия, после бесплатный проезд до места, где находится военная шк[ола]. После испытания можно ехать обратно тоже бесплатно и обратно после отдыха ехать опять в школу. Хорошо не знаю, куда бросит судьба. Может г. Ульяновск (р. Волга), г. Калинин (дальше Москвы). Комиссия признает годным, придется поездить. Ребят желающих очень много. Если сейчас мне не ехать, то придется идти в армию в сентябре. Военное училище 2 года с отпуском после каждого года. Проезд бесплатный. Обмундирование, еда бесплатно.

Педучилище кончил, можно сказать, испытания сдал. Остался один предмет, история педагогики (может, и не дадут и досдать, повезут). Военных [училищ] много — куда хочешь. Хотелось попасть в авиацию, но нет набора. Если попаду в Ленинград или Калинин [и] др., то буду стараться. Итак, карьера началась. Не думайте, что получу быстрее пулю. Нет, меня трудно будет угробить. Мы еще посчитаемся... Только договоримся не плакать и тосковать. Уйду, так уйду служить советскому народу. Признаться, я не люблю слез. Я достаточно возмужал.

По этому вопросу пока все. Хорошо, что купили ботинки, а то дело было скверное. Белья беру ограниченное количество, остальное отправят вам.

Встретил бр[ата] Дмитрия, простились. Из города ушли они быстро в Якутск. Ходить будут по р. Вилюй. Пишите письма на Вилюйскую пристань ЛУРПа, п/х «Вилюй». Обижаться на него вам не стоит. Мы все ему во многом обязаны, и хватит его ругать. Если я, так чем могу, тем помогу. Что посылали, получил в сохранности, как от Евг[ения] Ст[ефановича], так и от Мити. От Толи не получал ничего. Иван женился, так передайте от меня поздравления с закон[ным] браком.

Учителей (выпускников) распределяют по Усть-Кутскому, Казачинско-Ленскому и Киренскому р-ону только (дело скверное).

Отправляю 2 фотоаппарата и др. Пока приложите все. Чистую бумагу не тратьте, она мне будет нужна.

В.С. Тирский.

О выезде или что будет, сообщу».

«22 июля [1941 г. Ульяновск]

Здравствуйтесь, дорогие мои родители. Спешу передать вам свой пламенный привет и пожелать всего хорошего.

Я уже писал вам, что нахожусь в бронетанковых лагерях, в 12 км от г. Ульяновска. Живем в бараках, на берегу р. Волги. Некоторые живут в палатках. Столуемся хорошо, но занимаемся в день очень много, часов 13. Из лагеря в город не отпускают, живем в отгороженности от гражданского населения. Знакомых совсем никого нет. Парень, с которым я ехал в школу, со мной в одной роте. Вот только с ним иной раз и поговорим, а то все один. Очень скучно. Я так еще не скучал, как в это время. Как-нибудь пробьемся до выпуска. Что будет дальше, покрыто мраком неизвестности.

Округ, в котором находимся, стоит на военном положении.

Сильно обо мне не беспокойтесь. Пишите больше писем, этим мы будем жить в одном как будто доме. Вот как уехал, не получал ни от кого ни одного письма. Время не так больно велико, что на

десять годов. Прочимся до января, там я сообщу, куда отправят. Толин адрес не знаю и потому не пишу ему. Вы напишите ему от меня большой братский кровный привет. Он, наверное, меня не узнает, какой я сейчас, да и вы тоже. Волоса сняли, и я сам себя не узнал в зеркале, какой лоботряс выгляжу. Ну еще обмундирование одели, так совсем другой.

Володя, вот что, если в школе будет фотокружок, то запишись в него, тебя научат фотографировать. Если не будет, то попроси у фотографов (у кого есть фотоаппараты) наставление. Там узнаешь, как нужно обращаться и делать снимки и ост[альное]. В тетра-

дах найди дневник и отложи на сохраненье, чтоб не трепался. Чистую бумагу береги, может, Толя попросит или я попрошу, так пошлете. Я здесь купил альбом для рисования, да и другое, когда будем отправлять, отправлю тебе. Велосипед хорошо смажьте. Если справишь насос, так катайся. Научи тятю кататься. Все же будет вам веселее жить. Фотоаппарат один продай ребятам — другой себе. Фотоматериал не отдавай никому, а когда научишься фотографировать, будешь его использовать (там нет только пластинок, так Ваня пошлет или достанет). Фотокарточки храните, не раздавайте. Адреса братьев не знаю, где они живут и как живут. Володя, напиши, я на тебя надеюсь, что ты мне будешь писать. Вот я кончу, буду получать оклад, так буду помогать в деньгах. Пиши, что делаете все, какие работы, как колхоз, как на Тире наш дом стоит и т. д. В общем, пиши больше, что тебе взбредет в голову. Вот что, Вовка, будет у тебя если время, то собирать ягоды ходи в то место, где мы ходили, — от Березового ручья (не переходя его) по склону влево, много будет брусники. Про чернику и другие не знаю.

*Селиверст Васильевич Турский
(справа)*

Селиверст Васильевич и Анна Ивановна Тирские

Если будут к вам поступать на меня письма, ты отсылай на меня. Пиши, где находятся Митя, Толя, Ваня и другие. Мы вот к зиме переедем в город Ульяновск. В этом городе родился В.И. Ленин. В нем был А.С. Пушкин. Родился писатель Гончаров. В общем, хороший город. Вот скоро поспеют яблоки и другие фрукты, так поедем. Сейчас есть, да зеленые. Забежишь в лес и сорвешь, сколько надо (дикие яблоки). В августе они будут краснеть.

Володя, нас готовят лейтенантами бронечастей Красной Армии (средний командный состав). Будем водить по 5 танков, то есть командовать взводом. Значит, на мою ответственность государство даст 750 000 руб. Каждый танк стоит 150 000 р. (не рассказывай посторонним). Володя, я буду командовать средними танками, которых не берет снаряд, а фашисты утекают, завидя его.

Итак, нахожусь от вас на большом расстоянии (посмотри на карте).

Передайте привет родным, дядюшке Иллариону, тете Аграфене, Савиной матери и ихней бабушке и родным, которые наход[ятся] в д. Тире. Как у вас в огороде, на пашне, покосе, на воде и т. д.?

Одна просьба, пишите письма. Ваш сын В.С. Тирский.

Сильно не скучайте. Лишнее продавайте. Сильно не убивайте здоровье. Сообщите Евгению Степановичу, что Мосея, который наход[ился] в Иркутске, посадили в тюрьму на 1 год или на 2, позабыл, за какую-то ругань в очереди, в то время, когда Германия объявила СССР войну. Когда я приехал, его взяли за 3 дня до меня».

«28/VII [1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, мама, тятя, Володя, Нюта, Митя, Ваня, Маруся, Галя и дедушка, и все родные дядюшки и тетки! Шлю я вам свой пламенный, горячий курсантский привет и от души моей желаю вам хорошей и хорошей жизни.

Пишу я вам уже не знаю сколько письмо, а от вас еще не получил ни одного. Может, мои еще письма не дошли до вас, а может быть, и другое. Не знаю совершенно, как вы живете, как живет Митя с Галиной, как живет Ваня с Марусей и как живет Толя. Вот [о] вас я знаю, что вы живете в деревне, а их не знаю. Притом если я бы не скучал обо всем этом, я бы не стал писать и спрашивать. Когда я находился в дороге, то не было времени написать. Рубашки все заносил за дорогу. Костюм лучший за всю дорогу не одевал. Валяться приходилось всяко. По железной дороге ехали в пассажирском вагоне. Народу набивалось полно по станциям, а как завидишь станцию, так и приготавливаешься, как бы быстрее соскочить да купить что-либо пошамать. В большинстве станциях нечего купить поесть. С хлебом да с водой не очень хорошо приходилось. По сравнению с ленскими колхозниками крестьяне, которых проезжал от Иркутска, видно, что далеко живут плохо. Лапти и плетеные избы с навозными стенами. У нас же в лагерях кормят по норме и ее хватает, а что насчет времени, то его не хватает. Спим по 5–6 час. Учимся по 10–13 часов в день и другие работы. В обед не отдыхаем (сон), а приходится работать. Гонят нас подходяиво и порядочно. Хорошо не знаю, что-то поговаривают до снегопада выпустить, т. е. прямо из лагерей. Скорее всего, выпустят зимой.

Буду добиваться, чтобы работать отправили меня на восток. Там ближе добраться до вас. А как сильно хочется побывать в знакомых местах, на покосе и др. в р. Тире. А здесь стал свыкаться с местностью, а то беда была, прямо изругал себя. Я не представляю, где находится Толя и что вы от его получаете. Можно предполагать, что его могут перебросить на зап[адный] фронт. Вы живете в мирной обстановке. Мы уже давно на военном положении (Куйбышевская обл.). Дисциплина строгая, за малейший проступок налагают взыскание как на месте военных действий. Расстрел и тюрьму получить быстро можно, и получают некоторые.

Учение идет пока хорошо. 20 июля приняли присягу. Вчера, 27[-го], упаковывал вещи отсылать домой, какие только есть. Они мне не нужны. Продавать не продавайте, а носите сами их. Вот кончу, так pošлю посылку вам, если будет время. Купить здесь можно все. Сейчас так времени нет, да и не отпускают. Стипендия всем по 40 р. в месяц. Спрашивается, куда их мне: еда готовая, одежда готовая, кино и др. бесплатно, да и притом я не курю, а

вино пить строго запрещено. Посторонние вещи вплоть до мелочи не разрешается держать. Только вот: бумага, книги, карандаши, чернила, зубная щетка, зубной порошок, 2 носовика.

В посылке 2 костюма, ботинки, рубашки. Вот побаиваюсь, что вы все мои фотокарточки раздаете, а вновь их сделать будет невозможно. Вы уж их берегите. Может, придется еще заниматься этим делом, да и притом это памятники прошедшего. Я очень прошу вас, чтобы вы сфотографировались все вместе: тятя, мама, Володя, Нюта. Сделайте в выходной день. Если только достанете фотопластинок, то это можно устроить самим.

Еще раз прошу, чтобы вы писали письма и очень просили других родных о письмах ко мне. А пока передайте им большой привет от меня: дядюшке Иллариону, тете Аграфене, Николаю, Алексею и другим, которые живут на Тире. Привет Кащееву, Елизару С., ихней бабушке и тете. Я вот не знаю, у вас или нет тетя Арина, так ей передайте привет и ее ребятам. Чтобы она сказала Михаилу, чтоб он написал мне письмо. Адрес дайте. Передайте Василию Ивановичу привет. Пишите, как у вас в огороде дурит и в поле надурило. Много себя не убивайте. Корову держать надо однуе. Пишите братьям чаще письма, и они будут вам писать. А сами не будете писать, так что же, пеняйте на себя. Ведь у вас два писаки теперь. Бумага есть и другое. Каждый вечерок, но через два, писать можно время найти. Много не спрашиваем, хоть по-маленьку, и то ладно. Ваш сын Василий Тирский».

«9 августа [19]41 г. [Ульяновск]

Здорово, братан!

Ну! Как поживаешь? Привет маме, тятю, Нюте, Мите, Ване, Толе. Огромнейший привет им и тебе от курсанта Ульяновского военного дважды Краснознаменного бронетанкового училища. Пишу тебе и будто нахожусь с тобой рядом. На самом деле мы с вами на порядочно расстоянии. Довольно близко ум. Когда же, братан, увидимся с тобой? Пожалуй, ты меня не узнаешь. Ты бы сейчас взглянул, так бы не распознал среди курсантов меня. На голове пилотка, сапоги на ногах, брюки (галифе), гимнастерка, шинель. Зимой будем носить шлемы и другую одежду. Мороза, как у нас, не бывает. Сейчас изучаем машины, двигатели разные и различн[ое] оружие. Занимаемся помного в день, порядком достается. Скоро будем ездить на танках. После окончания без большой трудности можно ездить на всех автомашинах. Так что специальность обширная. Можно стать шофером, трактористом. Вообще при машинах. Армия, как я представлял, не то представляет, хотя я знал все ее трудности. Здесь ведь учиться сравнительно легко и можно добиться хороших и отличных результатов, но, с другой сто-

роны, очень скучно, т. е. оторванность от мирной жизни. Ты всегда находишься в подчинении начальников. Вот это мне очень не нравится. Все это пустяки. Сколько положено отслужу, и все будет в порядке. Что будет дальше, если будет возможность, я никогда не откажусь написать родным. Посмотришь на лейтенантов, они по существу мало что делают, а получают 750 р. и госуд[арственная] столовая и обмундирование. Им что, лейтенантам, командовать только, а исполняют бойцы.

Анна Ивановна Турская с внуками Галиной (слева) и Анатолием. Около 1946 г.

Володя, пиши чаще письма. Я писал тебе, о чем писать. Вот и пиши. У тебя больше времени, чем у меня. У меня будет время после окончания. Ты ведь можешь писать прямо на уроках и сдавать письма на почту. Заставь Нюту написать мне письмо, она может уже писать. Самое главное, пишите и пишите. Как получишь, так ответ пиши. Всю жизнь писать мне тебе. Это большое дело. Нужно для этого много бумаги и время. Ты постарайся завести себе дневник из тетрадей и номеруй тетрадь каждую. Очень интересное это дело. На этом ты сам убедишься. Когда будешь больше, то, читая этот дневник, ты будешь чувствовать и вспоминать, что какой я был и что делал. Я писал тебе, что в дневник записывать. Вот и учись. Сначала трудно, а потом хор[ошо].

Все мои письма слаживай в дневник, который остался дома. Приеду, так почитаю их. Как-нибудь устрой, приברי книги и все остальное. Сделай этажерку (полочки) и разложи. Я вот не был у вас во время зимы и не представляю, как все обстоит в доме. Володя, если найдешь пластинок и научишься фотографировать, то сходи на Тиру и сфотографируй нашу усадьбу летом и зимой.

Зимой можешь сходить на лыжах. Выполни это обязательно и все подробности опиши в письмах. Тебе что дома не писать, бумага есть, клей есть. Свернул, писнул — и в почт[овый] ящик. А здесь дело другое, бумаги не так уж распишешься и клей всякий, из-за клея приходится всякой всячиной клеить.

Володя, если достанешь пластинок, то старайся делать больше пейзажных снимков (местности). Это интересно, и каждая карточка имеет вес на стене. Может, я достану, так pošлю вам. Скоро, может, я к вам приеду в гости. Этот год кончим. К январю и так, может, пустят в отпуск. При выпуске буду стараться попасть на восток. Там больше можно поохотиться, да и климат более подходящий [1 слово неразборчиво]. Там и быстрее домой доехать можно. Ну и так, Володя, до свидания. Я буду очень рад и доволен тобой, что ты исполнишь мою просьбу. Я буду надеяться на тебя, братан. До скорого свидания, Нюта, мама, тятя. Напиши, где находится Ваня и его Маруся и что они делают. Митя и Толя как живут, пропиши. Итак, остаюсь жив, здоров, твой брат Василий. Володя и все родные, не забывайте, что есть у вас сын и брат.

Послал в посылке альбомы, вы с Нютой разделите их».

«[середина августа 1941 г. Ульяновск]

Здравствуйте, тятя, мама, Володя, Нюта, Митя, Ваня, Толя и дедушка. Шлю вам всем курсантский привет. Проживаем на прежнем месте. О дальнейшей жизни не знаю. Осталось, как говорят наши преподаватели, 4 месяца. А там кубики на петлицы и на фронт, если он просуществует до этого срока. Работы хватает. Это только просто сказать, что выпустить лейтенантов. На самом деле так легко не достается. Сейчас больше углубляемся в машины и вождение. Каждая минута на счету. Встаем некоторый раз в 4 часа утра, а ложимся в 12 час. После обеда час сна не приходится справлять. Вести с фронта не радуют. Неизмеримое зверство фашистов с народом заставляет как можно быстрее готовиться. Может, кончится иначе, но сейчас так. От вас не получал ни одного письма. Уже пошел второй месяц. Ин-

**Василий Селиверстович
Турский**

тересуюсь все же, что вы делаете, что вы не можете написать? Если не хотите писать, то хотя бы передайте мой адрес братьям. Я совершенно не представляю, откуда вы набираетесь таким терпением отмалчиваться, даже, быть может, и думать о том, что есть сын. Я не считаю, какое пишу вам письмо, меня это не интересует. Меня интересует ваша жизнь, ваше здоровье. Вот я как уехал от вас, у меня создалось мнение, что я вас долго не увижу и вы стали (мама, тятя) далеко старше, а Володя с Нютой большие, взрослые. Вот плохо то, что не привык к окружающей местности. Скучновато живется. А еще скучнее тогда, когда не имеешь связь с родиной. Как-нибудь справлюсь, приживется помаленьки. А вот что писал вам и о чем (кажется, прописал все). Вы не пишете и не спрашиваете. Ну а потом мало время, чтобы подумать. Это лето не пришлось отдыхать. С 10 июля начал отбывать военную службу, как долг перед родиной. Конечно, я обязан и меня призвали.

***Василий Селиверстович
Турский***

Пока учеба идет хорошо. Отметки (оценки) сравнительно хорошие. У нас много различных предметов. Занимаются с нами в лице преподавателей лейтенанты, майоры, подполковники армии. Пока все, на этом кончаю. Будете писать письма братьям, напишите от меня привет. Наверное, вы тоже не пишете что и как мне. Передайте привет тете Аграфене и дяде Иллариону, и ихним сыновьям, родным, живущим на Тире. Как увидите их, передайте. Каждый день жду от вас письма и, как видите, безрезультатно.

Мой адрес: г. Ульяновск Куйбышевской обл., п/я № 50, кв. № 6».

«Ульяновск, 15 сентября 1941 г.

Здравствуйте, дорогие мои родители, тятя, мама, Володя, Нюта, Толя, Ваня, Митя! Шлю вам курсантский привет и желаю всего хорошего в вашей жизни. Так вам часто пишу, что не о чем и писать. Вчера переехали из лагеря в город на зимние квартиры. Живем батальоном на 3-ем этаже кирпичного здания. Весь вчерашний день прошел в сборе и устройстве. Сегодня работаем по благоустройству классов, в которых будем заниматься. Здание прекрасное, жить, конечно, можно превосходно. Программа оста-

лась та же. Выпуск намечается в январе. Занимаемся на таких же условиях и спим столько же. Возвращаясь с похода, получил телеграмму от вас. Очень рад и благодарю от всего сердца! Наконец-то мое письмо прорезало Сибирь и дошло до вас. Телеграмма шла 15 суток. Побаиваюсь, что отправленная мной посылка не дойдет в сохранности — погниет.

**Владимир
Селиверстович Тирский**

Все жду от вас письма. Адреса братьев не знаю и потому не пишу им. Сообщите, как они поживают и где. Самое главное, адрес Толи, где он и имеет ли с вами сообщение. Учеба идет хорошо. Передайте привет всем родным и знакомым. Вот и все.

Зиму будем ходить в сапогах и в шинелках, будет морозовато, так как осенью льют часто дожди и ветер. Если бы вы были близко, то можно было бы достать потеплее одежды. Ничего не поделаешь, будем в поле только на выходах 2–3 суток и на стрельбы, а остальное время будем отсиживаться в городе. Уже вожу автомобиль без затруднения. Скоро на танке. Конечно, ездим на них. До свидания, ваш сын Василий.

Адрес мой тот же: п/я № 50, кв. № 6, Тирскому. Я один здесь только Тирский».

«25 сентября [1941 г. Ульяновск]

Здравствуй, Володай! Разреши передать привет из Ульяновска тебе, тяте, маме, Нюте, Мите, Толе и Ване.

От вас получил общую телеграмму, писем не получал. Становится обидно из-за того, что не пишете. Я потерял счет моих писем писать вам, а от вас ни одного. Почему вы не пишете и ты сам не пишешь, черт его знает. Всех я писем написал больше 20 и не получал ни одного. Живу пока ничего. Живем в городе. 30 сентября кончаем 1-й курс (командир машины — танка). Осталось мало времени до конца. Дальше будем учиться на лейтенантов. Вчера стреляли из танков. Получил благодарность за стрельбу. Дуют часто ветры. Морозовато из-за них. Остаюсь здоров. Пишите все. Очень благодарю за телеграмму. Мою посылку вы уже должны получить. Сообщайте. Адрес Толи не знаю.

Ваш сын и брат Василий».

«[23 ноября 1941 г. Ульяновск]

Здравствуйтесь, тятя, мама, Володя, Нюта!

Шлю вам свой родной курсантский привет. Получил от вас третье письмо (ваше третье), а то было написал вам не очень-то хорошее письмо. И, верно, давно, как уже месяц с лишком, не получал от вас ничего. Стало очень обидно за это. Сегодня весело. Получил от вас да с Киренска от одной №-ой дамы, Ну конечно очень обрадовало. Мало все же вы пишете. Получаю письма только от вас. Митя зимует где? Все интересуюсь. Предполагаю, что тятя не ездил на охоту. Скоро, наверное, не будете держать собаку и ружья. Что написали, очень благодарю. Лучше пишете больше. Мне так, верно, писать не о чем. Все идет одним чередом. Занимаемся дни и ночи, часто совершаем выхода в поле. Из одеяния сапоги, шинель, рукавички зачастую пропускают холод, некоторые обмораживаются. Я ж чувствую [себя] пока хорошо. Конечно, не приходится стоять на одном месте. Все в движении, в маршах, учениях и походах. Приучают, как говорится, к холоду, выдюжливости. Учения всевозможные с танками. Давно стало нам все равно что день, что ночь. Жизнь военная, ничего не подделаешь. Все лишения приходится переносить. Скоро придется биться с немцам. Недалек тот час, лупить их нам. Остался впереди декабрь только. Сейчас 23 ноября. 7 ноября праздновали один день. Участвовали на параде с танками. Аттестацию уже написали на всех. Аттестовали меня на тяжелый танк в 56 тонн. Вот это действительно грозное оружие для немца. Пишут, верно, пока на лейтенанта. Черт знает, что ожидает нас впереди. Все.

От Толи не получал ничего, от остальных также. Передайте Мите, Ване о моей жизни и адрес. Буду ждать от них. Передайте родным привет. Передайте Оболкину Ал., что я его очень благодарю за услугу. Привет ему! Телеграммы ваши получил. Пишите, получили или нет от меня».

«23/ХІІ-41 г. [Ульяновск]

Здравствуйтесь, дорогие мои родители,
мама, тятя, Володя и Нюта.

Шлю вам свой пламенный, родной, братский привет и желаю всего наилучшего в вашей жизни. Получил от вас сегодня два письма — от Нюты лично и от вас всех. Очень благодарю и еще благодарю, что вы отправили посылку. Хорошо бы было, если бы вы отправили свитер хоть 2 и валенки. Валенки носить разрешают. Все это я бы имел, я б жил в тепле прекрасно. Стоит мороз, а главное ветер. Не мерз я еще так, как здесь мерзнешь иногда. Сапоги и тонкая шинелка не держат мороз. Всяко выходим из положения, всяко затыкаем мороз. В бою при маленьком, неболь-

шом ранении в такой одежде быстро замерзнешь. Ваша посылка пройдет долго. Получу ее в январе или в феврале. О выпуске ничего не известно. Придется учиться еще не более 2–3 месяца. Если предположения, что выпустят в первых числах января. От Толи получил письмо из Хабаровска. Написал ему 3 письма, из них одно получил обратно (г. Бикин). Пишет, что часто пишу письма и получаю. (Вот и хорошо.) Ване написал 2 письма, сегодня напишу в Киренск. Послал я еще летом вам посылку с вещами и не знаю, получили или нет вы ее. Марков (друг) послал, так ее получили. Что-то сомнительно, не затерялась ли она в дороге. Живем по-старому в городе. Продолжаем учебу такими же темпами. На отлично. Насчет налога сообразите. Должны сократить, если будете настаивать, а это нужно.

Нюту очень благодарю. Почему заболела она болезнью этой, сообщите. Как здоровьем, пишете.

Писать много нет времени. Все у нас здесь строго по распорядку. Как же, военные люди. Отправил вам 2 фотокарточки и Ване одну. Письма от вас получаю аккуратно.

Пишите больше о жизни своей и колхоза. Все скучно по родине, д. Тире.

Буду ждать посылку от вас.

Привет [всем], кто у вас живет. Живете весело, вот и хорошо. И мне весело, что вы живете неплохо. Ваш сын Василий».

«Челябинск, 19/1-42.

Здравствуйте, дорогие мои родители, Володя, Нюта. Шлю вам свой пламенный привет и желаю вам всего хорошего. Писал вам письмо 1 или 2 января, в котором послал вам все фотокарточки, какие только были у меня. Сейчас живем в Челябинске, в своем уже полку. Адреса еще нет, будет, сообщу. Как приехал, послал вам телеграмму. Придется долго от вас не получать письма. В Ульяновске получили новое обмундирование: валенки, теплые белье двойное, комсоставские гимнастерки и брюки, новые шинелки, шапки, рукавицы. Морозы теперь ничем. Оклад нам пока по 550 р. Когда поедем на фронт, может, прибавят. Послать пока вам не могу. В феврале, думаю, что пошлю. Столуемся в своей столовой. Кормят сравнительно хорошо. В день обходится примерно по 10 р. Друг мой Марков остался в Ульяновске по некоторым причинам. Сейчас, наверное, в каком-либо городе при части. Жить стало, конечно, далеко лучше, так как мы уже лейтенанты. Сколько жить здесь, неизвестно. Полк наш действующий и в то же время запасной. Танки тяжелые. О них вы знаете из газет, что за крепости. Полк наш отдельный, из всей Красной Армии имеем дело со Сталиным в качестве руководства им. Все. Передайте

все это братьям, что написал и привет. Будьте спокойны за мою крепость — громадину танк и меня. Радость и большое доверие правительства. Ваш сын Василий».

«19/III-42 г. [Челябинск]

Здравствуйте, дорогие мои родители, тятя, мама, Володя, Нюта, Митя, Ваня и Толя. Шлю вам всем пламенный братский привет и желаю всего хорошего и наилучшего в вашей жизни. Извините, что долго не писал вам (был занят). Вы, наверное, думаете, что-нибудь случилось. Особенно ничего, все по старому, по хорошему. Живу третий м-ц в Челябинске. От всех вас ничего не получал более 3-х

Анна Селиверстовна Турская

м-цев. Да и долго это будет продолжаться. Надеюсь, что вы живете неплохо. Питаетесь лучше, чем мы. У нас с питанием чертовски разное (плоховато). Все по карточкам, ну и, разумеется, как получим, так и съедим, а следующие дни всяко. Как будет на фронте (дело военное и достается разное, на что нельзя обижаться). Едем на фронт на днях. Машины тяжелые с большой силой. Хочется знать, как вы живете, как здоровьем и т. д. Получил от вас телеграмму о посылке моей (что я беспокоился). Очень радостно, что вы здоровы. Смотрю на местную жизнь и предполагаю, что на моей родине живут далеко и далеко лучше. Здесь далеко тверже отзывается война, чем на вас. Экипаж мой мне очень нравится, что очень хорошо. Вместе поедем в бой. Вот и все коротенько о своей жизни. Дела идут как нельзя лучше. Привет Ване, Марусе, Мите и Гале, Толе. Привет дядюшке Иллариону и тете Аграфене, Алексею и Николаю, Василию Ивановичу.

Мне все кажется, что я был у вас вот только что, часто вспоминаю родину и часто всех вас. Денег хватает. Излишки буду отправлять вам, так как нет еще у меня жены.

Между прочим, здесь их масса (всякие вельможи). Живем как офицеры. Спросите тятю, он скажет вам, как живут офицеры.

До свидания, ваш сын и брат Василий.

Плохого ничего не случится. Машина чертовски хороша (я еще счастлив, что попал в тяжелые).

Письмо В.С. Тирского

Скоро именинник, но когда точно, не знаю, жаль, а то бы справил.

Пишу на почте. Очень рад — получил от вас письмо, писан[ное] 15 февр. Сейчас же здесь пошлю вам телеграмму и Ване. Поздравляю с дочерью Галей. Спокоен о вашей жизни. В.С. Тирский».

«с. Богдановка, 29 мая [1942 г.].

Здравствуйте, дорогие мои родители тятя, мама, Володя, Нюта. Шлю вам привет с фронта. Редко пишу вам письма, но все же пишу, часто и приходится писать только вам. Товарищей и др. адресов нет. Да и время мало, и потом работаем, как положено на фронте. В середине мая хотел послать вам 1 000 руб., но из-за отсутствия переводных бланков не послал. Деньги имеются. Расходую только на продукты, иногда яйца, молоко и т. п. А остальные все копятя и копятя. О вашей жизни не знаю. Может быть, у вас большие изменения. Надеюсь, по-старому. И только предполагаю [одна строчка на сгибе листа неразборчива] в колхозе и дома. Здесь берут в армию 50-летних. По-моему, тятю из-за болезни не возьмут. Все чаще и чаще приходится видеть сцены проделок немцев над мирным населением — бомбежка, грабеж и т. д. Надеюсь, вы читаете газеты и вычитываете то, что мне приходится видеть своими глазами. Нахожусь на Брянском направлении в тяжелых. Много писать не собираюсь. Если придется жить в мирное время, тогда другое дело, можно рассказать подробнее все. Живем одним стремлением жать немцев на запад до полного уничтожения на нашей земле. Нет-нет, да

часто вспоминаешь малое мое прожитое, все то хорошее, что дала школа и вся родина, что драгоценнее всего. Мне хочется, чтоб вы жили весело и хорошо, мне хочется, чтоб вы не знали заботы о Толе и не говоря о мне. Я достаточно обучен вами и братьями. Это я не забываю. Привет Мите, Ване, их женам и Толе. Привет Родине. Я абсолютно ни от кого не получаю писем и не обижаюсь на это. Привет еще раз с фронта отечественной войны. Мой адрес: действующая Красная Армия, Полевая почтовая станция № 2478, подразделение «В». Привет от моих танкистов. Жму вам всем руки, ваш сын Василий. Кто будет просить мой адрес — дайте».

Почтовая карточка.
«14/VII-42 г.

Здравствуйте.

Спешу передать вам свой пламенный армейский привет. Долго вам не писал, потому что был в боях. Сейчас чувствую себя хорошо. Дальше сообщу обо всем. Скоро опять на запад. Привет братьям и всем родным. Ничего от вас не получаю. Жив, здоров. Ваш сын Василий».

Почтовая карточка с обратным адресом:
«Полевая почта № 2472, 250 танковый б-н, 1 рота».
«30/VII-42 г.

Здравствуйте!

Спешу передать привет и наилучшие пожелания в вашей жизни. Вторая открытка, как я на отдыхе после боев. Здоровье хорошее, даже лучше, чем до боя. С нетерпением ждем приказа в бой. Это наша задача и наш долг перед Родиной. Надеюсь, вы живете по-настоящему. С апреля м-ца не получал от вас никаких известий. Про Митю, Ваню и Толю знаю как и про вас, не пишут или почта? Дела у меня идут прекрасно, следите по газетам («Правда», «Крас[ная] звезда») о наших делах и т. д. Нюта подросла, не узнаешь теперь и Володю. Молодежь растет быстро. О дальнейшем напишу. Писал бы часто, да время мало. У вас наверняка есть. Привет дяде Васе, тете Аграфене и ее семье привет, братьям еще привет. Скоро опять в жаркие бои. Жму ваши руки. Ваш сын Василий».

Конец письма.
«5/VIII-42 г.

...был бы очень рад. Как живет Дуся? Я не писал с января. Здесь громадное количество таких же подобных. Я говорю как о товарище. Передайте привет, если она живет в городе. Я не такой

уже Вася, что видела она и вы. Уверен, что вы не узнаете меня. Скоро появятся седые волосы. Война — не что иное. Старит быстро. Привет Наташе и Руслану Кириллову (адреса не знаю). Написал письмо вчера на родину (Глухову), как живут мои старики. Не пишут, а впрочем, не знаю. В бою были 3 м-ца, всего вероятнее, что [письма] где-то идут. Жара, стоят ясные жаркие дни. Донская вода омывает нас. Дон, Дон, в это время много пишут о нем. Привет д. Акиму и его семье. Пишите по адресу: Действующая армия, П.П.С. № 2472, 250 танковый б-н, 1 рота. Тир. Вас. С. Жму ваши руки. Василий».

Почтовая карточка со штемпелем:
«Сталинград, 13.4.4[3 г.]»

«Здравствуй, Владик.

Привет из Сталинграда. Махнул громадное расстояние от вас, да еще придется больше. Эту комсомолку (на лицевой стороне почтовой карточки изображена картина художника Н.А. Касаткина „Комсомолка времен гражданской войны“. 1925 г. — Ю. Л.) купил в Уфе. Пишу тебе на память. Братан, пока до свидания. Еду дальше бить волков. Все пока, твой брат Василий».